Но заканчивается «Песнь» Тредиаковского более конкретным, программным по своему значению, тезисом:

Процветут здесь науки,
И ремесленны руки;
Мудрость больша, неж в Афинах,
Дело чище, неж в Хинах...

— в то время как Прокопович говорил о необходимости продолжать дело Петра I в самой общей форме.

В 1734 году Тредиаковский с большой похвалой отозвался об оде Феофана Петру II в своем «Рассуждении об оде вообще»: «Я когда приехал из Франции в С.-Петербург и через приятство одного мне друга лишь впервые стал читать сообщенную мне ту оду и почувствовал энтусиасм ее превысокий, то в толь великий энтусиасм удивления и сам пришел, что не мог, свидетельствуюся совестию моею, удержаться, чтоб с дважды или с трижды не вскричать: боже мой, как эта ода хорошо и мастерски сделана! . .».[32]

«Энтусиасм», вызванный поэтическим совершенством и, повидимому, идейной близостью позиций Феофана, не помешал Тредиаковскому избрать иную форму оды. Образцом для него стал Буало, оде которого на взятие Намюра Тредиаковский подражал, как он сам указывает, в «Оде на взятие Гданска».

Приложенное к этой оде «Рассуждение об оде вообще» содержало первое в нашей литературе обоснование этого жанра с точки зрения теории классицизма с его строгой иерархией жанров и стилистических средств. «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» уже описал всю систему стихотворных жанров (с образцами работы самого Тредиаковского) с точной отсылкой к древним и французским авторитетам в данном жанре: рондо — Вуатюр, эпистола, сатира и ода — Буало, элегия — де ла Сюз.

Таким образом, новая русская литература получила новое стихосложение, полную систему жанров, образцы их на русском языке и все это было воодушевлено просветительской идеей непрерывного общенационального культурного прогресса, орудием которого, как предполагалось, будет просвещенный монарх, покровитель наук и искусств, а средством — просвещение: науки и искусства.

Так русское просветительство в лице молодого Тредиаковского сделало первый шаг по пути создания литературы общенациональной.

---

[32] П. Пекарский. История императорской Академии наук в Петербурге, т. II, стр. 46.